

УДК 81'276.1

DOI: 10.37482/2687-1505-V284

*Ю Елена Дюнеровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета. Автор более 50 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7739-5627>

РЕФЛЕКСИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СОЦИОЛЕКТОВ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНО-ОБЩНОГО ЯЗЫКОВОГО АРЕАЛА

Статья посвящена обзору наиболее распространенных латиноамериканских социолектов (аргентинского *лунфардо*, колумбийского *парлаче* и коста-риканского *пачуко-малеспин*), а также сравнительному анализу отражения социальных реалий на их основе. В настоящее время обогащается сформированная методологическая база социолектологии. Возникновение, функционирование и влияние социолектов как факторов развития общества – это не только показатели эволюции этнокультур, но и признаки социальных движений, находящие свои лингвокультурологические и словарные фиксации, что требует обращения к теории номинативных актов. Вариативность в способах словообразования отмечена в таких приемах, как силлабическая инверсия, усечение и удлинение основы, словосложение, удвоение слов, ресемантизация. Рассмотрены процессы социолектного диалогического взаимодействия в тематических лексиконах *лунфардо*, *парлаче* и *малеспина*. Закономерности таксона, узуса и распространения упомянутых социолектов подчеркивают приобретенную ими социальную маркированность появлением многочисленных неологизмов: от универсалий до обслуживания различных сфер человеческой деятельности. Практико-целевое видение зарождения и прогрессирования социолектов подтвердило их использование в качестве языковой игры, тайного языка как стратегического инструмента в военное время, конспиративного языка как знака принадлежности к определенной замкнутой группе и т. д. Функциональность социолектов обусловила работу над созданием, пополнением и обновлением специфических словарей. Еще один пример культурной общности *лунфардо*, *парлаче* и *малеспина* – это *кумбия* – один из популярных жанров народной музыки в Латинской Америке, зародившийся в Колумбии, но получивший признание на всем континенте. Несколько его разновидностей отражают идентичность социальных сред, для которых отдельные жанры *кумбии* являются характерными. Анализируемый материал выступает многогранной палитрой для дальнейших междисциплинарных исследований, актуальность которых очевидна в современных условиях и тенденциях развития международных отношений.

Ключевые слова: *социальная реальность, социализация, социолект, латиноамериканский ареал, лингвовариативность, словообразование.*

*Адрес: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83; e-mail: elyu@yandex.ru

Для цитирования: Ю Е.Д. Рефлексия латиноамериканских социолектов в репрезентации культурно-общного языкового ареала // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 64–73. DOI: 10.37482/2687-1505-V284

В русле теоретической проблемы социальной роли языка в современном геополитическом пространстве возникает вопрос о многочисленных аспектах анализа номинативных актов, отслеживаемых как в диалогическом узусе, так и в словарных фиксациях. Одним из актуальных предметов рассмотрения выступают способы конструирования смыслов общего интереса, к числу которых относится социальная реальность разнообразных миграций и контактов представителей большинства латиноамериканских стран.

В данной статье внимание обращено на их коммуникативную поляризованность, основанную не на исторической языковой общности – испанском языке (традиционном кастильском), а на лингвовариативности, порожденной социолектами как параметрами обозначения смыслов социального характера в их вероятностном событийном потенциале воздействия и взаимодействия в обществе.

Цель статьи – представить обзор социолектных структур, отраженных в современных испаноязычных словарях, что позволит расширить представление о диалогической интеракции и оценочных номинациях, идентифицирующих как резидентов в латиноамериканском ареале, так и мигрантов, преимущественно занятых в социальных сферах, которые, скорее всего, являются общественно неформальными.

Методологическую основу исследования составляют приемы вариационной социолингвистики; лексические корреляции социолектов, идиолектов, геолоктов, которые структурно и функционально, подобно таксону и узусу, «раслаиваются» на несколько типов со своими «говороносителями» и сферами использования; принципы социолоктологии – интегральный подход в изучении социолектов разных регистров, включающий экспланаторность, экспансионизм, функционализм [1]. На основе опыта отечественных и зарубежных ученых (В.Д. Бондалетов, Т.И. Ерофеева, В.М. Мокиенко, А.М. Сеницына, Е.В. Харченко, Е.Н. Partridge и др.) в этой молодой науке наблюдается смена научной парадигмы лингвистического знания, обусловленной ан-

тропоцентризмом. Таким образом, релевантные ему номинативно-прагматическая и/или когнитивно-дискурсивная практики в значительной степени способствуют интенсивному развитию социолоктологии, которая расширяет привлекаемый для изучения материал, мало используемый по причине его некодифицированности, но, как следствие, способный «расшатывать языковые нормы» [2].

Концепт предметной области социолоктологии – *социолект* – появился в XX веке и представляет собой стяжение слов *социальный* + *диалект*. Сделав обзор работ разных исследователей (упомянутых и тех, чьи труды представлены далее) в отношении данного концепта, обозначим следующие подходы:

1) социолект – языковые особенности, присущие определенной социальной группе: возрастной; профессиональной; классовой и т. п.;

2) социолект – речевые примеры в виде отдельных вербальных знаков, комбинаций слов, синтаксических структур, которые отличаются от характерной системности государственного языка;

3) социолект – особая лексика, используемая конкретной социальной группой или прослойкой социума.

В исследованиях социолектов анализируется закономерный результат номинативного акта. Три гипотетических вопроса отражают процесс номинации. Для социолекта как целостной системы их можно перефразировать следующим образом: *как* – основные типы номинации (способы словообразования – внутрилингвистическая суть), *что* – концептуальная структура социолекта (когнитивная сущность) и *зачем* – система функций (номинации) социолекта, отраженная в ситуациях употребления и в коммуникативной специфике социолекта [3].

Способы образования социолектизмов, упоминаемые в научной литературе, подразделяются на несколько групп. Опустим традиционные морфологические и приведем некоторые специфические: особая мотивировка слов; сдвиги в значении слов; семантическое переосмысление лексики родного языка; метафора и

метонимия; искажение слов; звуковые изменения исходного слова; фонетические жаргонизмы; субституция; метатеза; анаграмма; фразеологизмы; иноязычные заимствования.

В силу решения иных задач малоразработанным остается вопрос о функциональности социолекта. Так, по мнению В.Д. Бондалетова, лингвистическая характеристика социолекта начинается с определения его общественной функции. Довольно своеобразно в данном контексте преломляется коммуникативная функция. Прежде всего, любой социолект является вторичной языковой системой для его носителя, следовательно, роль социолекта как коммуникативного средства «приглушается», отступая на второй план. С другой стороны, коммуникативная функция выступает в виде противоположности: социолект обеспечивает коммуникацию только членов *своей* социальной группы, не допуская до нее *чужих*. Эта криптолалическая функция «тайности» является главной [4].

Отсюда, если коммуникативная функция противопоставляется криптолалической, то антитезой номинативной функции выступает эвфемистическая. В данном контексте примечательно высказывание Эрика Партриджа про сленг, что также соотносится со многими социолектизмами: «...одна из причин использования сленга смягчить трагическое, облегчить или приукрасить неотвратимость смерти/безумия, замаскировать отвратительную и глубоко уязвляющую человеческую низость» [5, с. 25].

Прежде всего, социолект есть отражение «духа» определенной социальной группы, он выражает отношение его носителей к действительности. Следовательно, рассматривается еще одна функция – экспрессивная. Ее также называют мировоззренческой. Исследователи утверждают, что изначально эмоционально-экспрессивная функция присутствует не во всех социолектах, но с их развитием начинает выделяться и преобладать. Тяга к экспрессии характерна для носителей многих социолектов, отсюда их желание заменить *старые* слова (известные социолектизмы) новыми, а также

тенденция к игре слов. Еще одна знаковая, ярко проявляющаяся функция – символическая. Как было упомянуто выше, в функционале социолектов отражены: 1) принадлежность к *своим* и 2) противопоставление *чужим*. В первом случае можно говорить об интеграции носителей социолектов, во втором – об их разобщенности.

В последние десятилетия языковое общество Латинской Америки испытало влияние нового социолингвистического фактора, который связан с массовыми миграциями и наплывом переселенцев в крупные города испаноязычных стран. К этому потоку примыкают приезжие из Северо-Западной Африки. Одновременно продолжается обычное движение выходцев из провинций. Иммигранты, как правило, вынуждены приспосабливаться к существующей ситуации, вследствие чего образуются этнические меньшинства. С другой стороны, существуют определенные области интеграции: кварталы на окраинах городов; национальное образование; формы артистического художественного проявления. Так происходит постепенное стирание культурных различий. После запретов колониального периода в Латинской Америке поощряли иммиграцию и приезд иностранцев, особенно из Европы, где культивировался богатый экзистенциальный опыт и активно развивались технологии. Эти «пришельцы» стали основной частью политики заселения Латинской Америки, обусловленной представлением о том, что обилие граждан символизирует величие страны.

Однако мигранты занимают не лучшие позиции в социуме, т. е. трудятся в сфере обслуживания, встречая множество препятствий для легального трудоустройства на высокооплачиваемые позиции. Коммуникационные ситуации их языкового взаимодействия с горожанами крайне ограничены. Зачастую переселенцы оказываются практически исключенными из кругов, относящихся к среднему классу, хотя абсолютная бесконтактность в одном ареале невозможна, ведь «с контакта начинается и совершается любое общение» [6]. Вскоре в мегаполисах Латинской Америки изменяется

этнолингвистический состав населения: низшие социальные слои формируются за счет негров и метисов, носителей вариантов и социолектов испанского языка.

Далее обратимся к некоторым аспектам и особенностям активно развивающихся латиноамериканских социолектов, нашедших отражение в лексикографических фиксациях. Известно, что производство печатных словарей требует длительной подготовки. На современном этапе наглядными примерами выступают электронные словари, вследствие доступности, возможности быстрого распространения и обновления.

Прежде всего, обратимся к словарю жаргона и регионализмов, объединяющему репрезентации локализмов практически всех латиноамериканских стран¹. Примечательно то, что в нем даны словарные статьи, отражающие общекультурную тематику, породившую социолектные варианты. Достаточно часто встречаются повторы, сходства и совпадения в лексиконе, когда выбираешь ту или иную страну. Имеется опция для добавления слов и выражений, что подчеркивает тенденцию к сотрудничеству в реализации массовой языковой политики. В то же время нет конкретных именовании для социолектов. Поэтому остановимся на тех из них, которые имеют номинативные обозначения.

В целом наблюдается возникновение диалектных моделей, требующих больших статистических расчетов. К ним можно отнести диалекты малоизученных, но существующих народов, как, например, диалект *quichua* американских аборигенов кечуа в большинстве латиноамериканских стран [7]. Из этой массы выделяются национальные социолекты, имеющие свои отличительные особенности. Рассмотрим детальнее аргентинский лунфардо, колумбийский парлаче, коста-риканский «тайный» малеспин.

Примерно на рубеже XIX–XX веков вследствие массовой иммиграции в Аргентине сформировался лунфардо – изначально городской

жаргон, в основе которого заложена танцевальная культура, преимущественно танго.

Культура Аргентины подвергалась влиянию европейских обычаев и нравов. В этом процессе важную роль сыграли испанцы, итальянцы, французы, объяснимую следующими причинами: 1) большой долей иммигрантов; 2) их языки характеризовались общностью языкового происхождения от латинского, что явилось катализатором смешения ценностей, способствующего преодолению культурных предрассудков и барьеров.

В социально-культурном разрезе процесс сравним с *амальгамой* – культурными взаимоотношениями на уровне этнического слияния, согласно E.E. Rawson [8]. С 1870 по 1930 год процесс изучения языка и культурных контрастов, вызванных иммиграцией, был особо отмечен в аргентинской литературе, народной музыке (танго), средствах массовой информации (радиопостановки), общении (анекдоты), кино. *Лунфардо* стали называть жаргон преступников и язык, на котором говорили окраины. В кварталах Буэнос-Айреса взаимодействовали разные субэтнические группы, их контакты и деятельность не всегда были легальными. Отсюда выработывалась форма общения, скрывавшая или не оглашающая намерения коммуникантов.

Сначала в низшие слои общества проникли итальянизмы, обогатив тем самым словарь лунфардо. Итальянский язык, который, как и испанский, имеет региональные диалекты, стал основой сатирических представлений. Серьезные диалоги иммигрантов приобретали комический характер из-за самого их языка, который, будучи несовершенным по форме, не мог передать серьезное содержание. Высмеивая своего собеседника-иммигранта, аргентинец заимствовал слова из другого языка. Итак, структура лунфардо основана на замещении в исходном языке испанских существительных, глаголов и прилагательных словами, изменившими свое значение, производными от

¹El Diccionario Latinoamericano, para poder entendernos: Jergas y Regionalismos. URL: <https://www.asihablamos.com/word/pais/NI/> (дата обращения: 19.06.2022).

итальянского языка, из его диалектов, в меньшей степени из других европейских языков, из местных наречий, адаптированных к испанскому языку. Дополнительным элементом социолекта является произнесение слова с перестановкой слогов: *tango* – *gotta*, *bacán* (богатый человек, а также предмет роскоши, нечто высокого качества) – *camba* (от глагола *менять* – *cambiar*, *меняет* – *cambia*, *camba*), *viejo* – *jovie* (*старый* – *веселье*), *cabeza* (*голова*) – *zabeca* и т. д. Так называемый прием *vesre* (от *revés*), что в переводе с испанского – *изнанка*, *обратная сторона* [3].

Очевидно, что в подобном наречии не может быть четких правил, и оно развивается довольно динамично. Будучи представителями бедных, низших, нищих слоев, носители лунфардо использовали лексику с резко отрицательными коннотациями. В словарях данного социолекта присутствуют синонимичные ряды одного и того же понятия²:

невежество:

1) грубый, упрямый, невежественный, неграмотный, неуклюжий, наивный – *adoquín*, *analfa*, *boleado*, *chorlito*, *crudo*, *cuadrado*, *fanega*, *fesa*, *merlo*, *topio*, *otario*, *pelotudo* (недалекий), *salame*, *turro* (бездарный, неспособный);

2) глупость, тупость – *chabonada*, *taradez* и другие;

3) тупица, придурок, дурак – *asoleado*, *chambón*, *belinún*, *boludo*, *bogólico*, *chabón*, *chauchón*, *chapeta*, *codeguín*, *durañona*, *roilán*, *guiso*, *manú*, *magallanes*, *melonazo*, *merlín*, *queso*, *salamín*, *zanagoria* или *zanahoria*;

алкоголь и пьянство:

1) напитки – *alpiste*, *beberaje*, *bebestible*, *chupamedias*, *chupe*, *drogui*, *escabio*, *tintacho*, *tintiyo*, *vinacho*, *vinagriyo*, *viniyo*;

2) попойка – *alpistería*, *tamadero* и *chupería* (бар), *chuca*, *chupandina*, *chupar*, *concurdaneio* (собутельник), *curda*, *esbornia*, *tamúa*, *tranca*;

3) пьянеть – *achumarse*, *adobarse*, *apedarse*, *empedarse*, *escabiar*, *macharse*;

4) пьяный – *adobado*, *achumado*, *alpistero*, *apedado*, *chupadín*, *chupín*, *curado*, *curdelún*, *droguista*, *húmedo*, *tamado*, *manuacaña*, *manuín*, *viniso*;

криминал:

1) преступники и преступления – *amasijo*, *achacador*, *astiya*, *batuque*, *biaba*, *bronca*, *bufonazo*, *bagayero*, *biabazo*, *biandún*, *marronazo*, *bule*, *chumbazo*, *cuete*, *escrachar*, *fajar*, *fandango*, *malandra*, *marusa*, *rosca*, *shacador*;

2) кража, грабёж – *achaco*, *afano*, *aliviar*, *atracar*, *cachar*, *calote*, *choreo*, *desgrilar*, *fanado*, *garfiña*, *rafiñar*, *shacar*, *solfeo*, *soliviar*;

3) обман и мошенничество – *brodo*, *cajetear*, *cambiazio*, *curro*, *degoyar*, *empacar*, *engañapichanga*, *fumista*, *garca*, *laburo*, *tragada*;

4) убийства – *achurar*, *afiambrar*, *afiambrado*, *hacer la boleta*, *cocinado*, *cocinar*, *enfriar*, *masacrar*, *masacre*;

5) тюрьма – *amurar*, *amuro*, *gayola*, *alcancia*, *canasta*, *capucha*, *tipa*, *cufa*, *cafúa*, *canusa*, *capacha*, *engayolar*.

Аналогичная ситуация отражена в появлении множества слов и выражений на темы *флирт*, *проституция*, *деньги* и пр. Устная речь, а именно молодежный, армейский и прочие социолекты, в силу постоянного взаимодействия представителей различных слоев общества с уголовно-исполнительной системой, как отмечает Н.Х. Хаджаева, попадает под очевидное влияние аргоса. Следовательно, наблюдается пласт социолектов, в которые входят сленг и жаргон, возникшие как следствие смягчения цензуры и внедрения в литературную речь слов преступного мира [9]. Кроме того, языковеды не раз отмечали тот факт, что формирование социолектов представляет собой своеобразный ответ общества на социальные переломы, смену установок и экономических условий существования.

Относительно малоизученным социолингвистическим феноменом выступает *парлаче* – язык низших слоев колумбийского общества. Отмечено, что формирование *парлаче* связано

²Diccionario Básico de Lunfardo. URL: <http://odnap11yazyk.narod.ru/2lunfardo1.htm> (дата обращения: 07.05.2022).

с южноамериканским экономическим кризисом, произошедшим в 80-е годы прошлого столетия, когда второй по величине колумбийский город Медельин приобрел славу столицы мирового наркобизнеса. Арго-лексика постепенно утрачивает узкоспециальный характер, «окрашивается» эмоционально, хотя и характеризуется образным словоупотреблением в речи городских масс [10]. Спустя десятилетие парлаче используется в текстах средств массовой информации и рекламы, появляются фильмы и книги о жизни молодежи бедных районов – основных носителей социолекта. Некоторые политики прибегают к парлаче для придания своей речи большей выразительности. В то же время лингвисты начинают сбор материала и работу над словарем парлаче. Первый вариант подобного лексикографического труда, насчитывающий 1500 лексем, вышел в 2001 году. Одновременно с этим Royal Spanish Academy фиксирует термин *parlache*³. Тем не менее для некоторых слоев населения парлаче остается ограниченным в использовании, он продолжает функционировать как тайный язык и вводит в замешательство не только иностранцев, но и выходцев из других районов Колумбии.

В процессах формирования обращает на себя внимание сходство парлаче и лунфардо. Один из наиболее ярких способов словообразования в обоих социолектах – силлабическая инверсия – перестановка или реорганизация слогов слова: *grone (negro)*, *misaca (camisa)*, *lleca (calle)*.

Однако специфика *parlache* состоит в феноменальной скорости и масштабах его распространения, что спровоцировало работу по созданию словаря молодежного жаргона Медельина, для нее были привлечены разные информанты и сторонники, а результатом совместных усилий стал словарь парлаче.

На сегодняшний день популярность парлаче наблюдается за пределами Колумбии. Сфера его употребления обусловлена «феноменом провоцирования» с такими признаками, как выражение коммуникативного намерения, опора на конкрет-

ную ситуацию общения, полиадресность, интенциональное состояние (ин-)толерантности [11].

Согласно проведенным опросам представители среднего и высшего класса используют данный социолект в языковой игре, считая регулярное употребление парлаче вульгарным. Иллюстративными являются примеры в исследовании А.В. Кутьковой, которая занимается изучением парлаче и анализирует словообразование в лексикографических фиксациях как в структурно-функциональном, так и в статистическом аспекте. Ею показаны следующие механизмы формирования новых слов в парлаче [12]:

- аффиксация: *fierro* («яростный, свирепый») – *fierrazo*, *enferrado*, *superfierro*, *superenferrado*;
- усечение основы: *calada* – от *pucalada* («поясница»); *compe* – от *compacero* («компаньон»); *fa* вместо *favor* («услуга»);
- удлинение основы: *robo* (букв. «грабление») заменяется на *roberto*, вместо *mal* (букв. «злой, плохой») – *maletas*;
- удвоение слов (звукоподражание): *rinrin* – «болтун, трепло»; *chucuchucu* – вышедшая из моды музыка; *runrun* – сплетня, слух;
- аббревиация (сложносокращенные слова): оскорбительные *drogoberto* (*droga* и *Roberto* – наркотик и Роберто – одно из наиболее распространенных имен), *iguanodonte* (*iguana* и *mastodonte*);
- словосложение: *cometrapos* – чувство сильного голода, *carroloco* – человек, действующий импульсивно;
- ресемантизация (новое значение посредством метафоры или метонимии): *mula* (букв. «осел») – наркокурьер, *nave* (букв. «корабль») – автомобиль, *hundido* (букв. «тонущий») – «пристраившийся» словно «гибнущий»;
- лексикализация словосочетаний, т. е. фразеологизмы с различной степенью устойчивости, так как парлаче находится в процессе развития и изменения. Фразеологизмы, ориентированные на иронию, игровой эффект и экспрессивность, являются важной составляющей данного социолекта.

³Diccionario de la Real Academia Española. URL: <http://www.rae.es/obras-academicas> (дата обращения: 11.08.2022).

Иллюстративно представлены гибридные образования, как, например, комбинации испанских и английских слов: *claro que yes* – при выражении согласия вместо испанского *claro que sí*. Уместно отметить, что это сравнимо с популярным и приобретающим все больше константных характеристик феноменом Spanglish. Существует несколько примеров из португальского языка. Заимствования из других языков малочисленны.

Далее рассмотрим коста-риканский *малеспин* – «условный» язык или одна из социально-ограниченных форм речи, в т. ч. в рамках исследований вариативности испанского языка в Латинской Америке. В Коста-Рике аналогом лунфардо и парлаче является социолект *пачуко*. Термин имеет разные определения в словаре Королевской академии испанского языка в зависимости от страны «мексиканского региона», в котором он получил свое развитие [13]. Однако именно в Коста-Рике этот социолект был переосмыслен, поскольку в речи костариканцев *пачуко* используется в отношении внешнего вида и образа жизни хулиганов. В рамках данного социолекта выделился *секретный* язык как стратегический инструмент во время войны.

В соответствии с общепринятым определением «тайные или условные языки», к которым относится малеспин, – это конспиративные языки, используемые замкнутыми социальными группами. Таким образом, «условные» языки считывались как знаки принадлежности к конкретной корпорации и воспринимались как коллективная игра. Исследователь С.А. Никифорова описала основные принципы кодирования в малеспине [14]:

1) замена звуков: $a > e$; $e > a$; $i > o$; $o > i$; $b > t$; $t > b$; $f > g$; $g > f$; $m > p$; $p > m$; $c > s$; $s > c$. Применяя данный принцип кодирования, она вывела, что *malespin* будет звучать как *pelasmón* – условно «кожура» или «оболочка»;

2) метатеза: *primo > mopri*, *fiesta > tafies*, *bonito > tinobi*, *macho > chamo*;

3) совмещение первого и второго принципа: *as tinobi – es bonito*.

Согласно проведенному анкетированию, исследователь описала, как костариканцы в возрасте 55–75 отмечают, что их родители и поколения старше родителей свободно общались на жаргоне, а в 20–30-х годах XX века малеспин был распространен в бытовом общении. Позже, уже в 80-е годы в Коста-Рике возобновился интерес к малеспину, чему способствовала гражданская война в Никарагуа, которая усилила интерес к секретному кодированию в практических целях и вызвала эмиграцию никарагуанцев в Коста-Рику⁴. Примеры лексикографических фиксаций из малеспин, используемые в настоящее время в социолекте *пачуко*, отражают социально-бытовую реальность и проникают в коста-риканский общеупотребительный язык:

arpen (*arpeni*)/ *curpeni* – *hermano* – брат;
breteji (*brete*) – *trabajo* – работа;
cetolli – *caballo* (*m*) – лошадь;
frendi (*frenda*) – *grande* (*adj*) – большой;
men – *pan* (*m*) – хлеб;
mlebe – *plata* (*f*) – деньги;
nicha (*niche*) – *noche* (*f*) – ночь;
percedi / *percebi* (*percedi*) – *mercado* (*m*) – рынок;
bimbolli – *tontillo* (*adj*) – глупый.

Детальное рассмотрение языкового материала показывает, что варианты слов возникли согласно принципам структурного заимствования, однако уже не воспринимаются как закодированные в соответствии с правилами и употребляются костариканцами с целью придать их речи эмоционально-оценочное значение. С другой стороны, сознательное использование тайной функции малеспина осталось в отдельных мини-социумах Гондураса, Никарагуа и Сальвадора: студенты, шифрующие свои подсказки; семейные пары, для которых малеспин является языком межличностно-

⁴Тайные языки // Лингвист. энцикл. слов. / под ред. В.Н. Ярцевой. URL: <http://www.tapemark.narod.ru/les/502d.html> (дата обращения: 03.08.2022).

го общения; жаргонная речь различных социальных субкультур (городские «низы», представители богатых слоев общества, бандитские группировки). Очевидно, что заимствования из малеспина превращаются в важный элемент речевых доминант, отражающих национальную картину мира костариканцев.

Итак, социологические факторы, связанные с взаимодействием испаноязычных стран Латинской Америки, предстоит оценить в полной мере с детальным изучением этно- и субкультур. Сопоставительный анализ разных лингвокультур подсказывает, что вклад переселенцев внутри культурно-общного языкового ареала пополняет словарный запас языка и обогащает мировидение в целом, а также зависит от того, насколько укореняются народные традиции, социолектно отраженные в крупных городах Латинской Америки. Традиции получают воплощение в богатой танцевальной культуре, которая ярко прослеживается в таких мероприятиях, как карнавалы [15]. Эта культура включает в себя и вербальный компонент, хотя здесь тексты песен вторичны по отношению к музыке.

Культивирование социолектов связывают с массовыми иммиграциями и, как следствие, развитием нелегального бизнеса. Цель использования тайных языков отдельными социальными группами – стремление отличаться от большинства и не быть понятыми им.

Типология трех представленных социолектов имеет общие черты: богатый лунфардо и вариативный парлаче сохраняют тенденции в отношении сфер употребления; тайный малеспин становится обывательским. Социолекты обладают чертами, позволяющими говорить об их типах применительно к человеческому языку в целом и о типах социолектов в каждом отдельном этноязыке в частности. Они представляют собой род койне, где на лексическом уровне нейтрализуются варианты названия артефактов, отно-

сящихся к бытовой сфере жизни. Исключение составляют номинации национальных обычаев – *безэквивалентная* лексика, например индейские танцы – *candombe, cumbia, tambo, tacumba*, и национальные блюда.

Обобщенные социолекты обладают собственной нормой, природа которой носит вероятностный характер. Они отличаются в основном не наличием/отсутствием каких-либо единиц, но частотностью их использования носителями. В узусе социолектов отражено употребление просторечной, обывательской лексики для передачи реалий повседневной жизни с целью эмоционального воздействия, чаще негативного. Так, например, оскорбление на родном диалекте обладает особым значением и для наносящего оскорбление, и для оскорбляемого при условии, что они разделяют данную речевую культуру.

В литературных произведениях можно увидеть моделирование реальных ситуаций включения новых слов, что подтверждается использованием в текстах лексико-семантических неологизмов. Рассматривается вероятность того, что они являются сленговыми словами, хотя зачастую представляют собой авторские окказионализмы и идиолекты.

Таким образом, вышеуказанные факторы позволяют социолектам существовать, обогащаться, пополняя лексический состав языка новыми словарными фиксациями и статьями, активно функционировать. В рамках одной публикации сложно представить детальный обзор данного обширного социолингвистического поля. Наряду с исчезновением языков происходят обратные процессы возникновения, культивирования, адаптации, возрождения социолектов в субкультурах и малых социальных группах. Их развитие и распространение сферы влияния связано с реальностью внутреннего устройства как в стране или ареале, так и в масштабах международных отношений, что позволяет говорить о перспективности исследований подобного рода.

Список литературы

1. Солнышкина М.И., Зиганшина Ч.Р., Гараева Л.М. Социолектология: современное состояние и проблемы // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2014. № 4(23). С. 125–134. DOI: [10.15688/jvolsu2.2014.4.14](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.4.14)
2. Ерофеева Т.И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2010. Вып. 1(7). С. 21–25.
3. Ю Е.Д. О социолекте лунфардо: таксон и узус // Науч. исслед. и разработки. Современ. коммуникативистика. 2018. Т. 7, № 4. С. 56–62. DOI: [10.12737/article_5b5fff4c5860d7.52439148](https://doi.org/10.12737/article_5b5fff4c5860d7.52439148)
4. Бондалетов В.Д. Арго – уникальный источник изучения народного языка // Громовские чтения: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф., Кострома, 07–09 ноября 2016 года. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2016. Вып. 3. С. 56–63.
5. Partridge E.H. *Slang To-Day and Yesterday*. London: Routledge and Kegan Paul, 2017. 488 p.
6. Формановская Н.И. Коммуникативный контакт. М.: Изд-во ИКАР, 2012. 200 с.
7. Фирсова Н.М. Основные сферы и формы коммуникации, отражающие феномен национально-культурной специфики (на материале испанского языка) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 1995. № 2. С. 17–23.
8. Rawson E.E. *Estudios Gardelianos*. URL: <https://crgardel.blogspot.com/2008/05/nota-del-sr-enrique-espina-rawson.html> (дата обращения: 09.07.2022).
9. Хаджаева Н.Х. Лингвокультурологический аспект возникновения в языке социолектной лексики // *Lingua mobilis*. 2011. № 6(32). С. 66–70.
10. Vila Rubio N., Castañeda Naranjo L.S. Hacia un diccionario de parlache // *Quaderni del CIRSIL*. 2006. Vol. 5. P. 121–134. URL: http://amsacta.unibo.it/2722/1/Neus_Vila.pdf (дата обращения: 21.06.2022).
11. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.
12. Кутькова А.В. Жаргон парлаче как социолингвистический феномен в испанском языке Колумбии // *Древняя и Новая Романия*. 2014. Вып. 13. С. 243–253.
13. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: языковая картина мира: моногр. М.: РУДН, 2006. 238 с.
14. Никифорова С.А. Коста-риканский тайный язык «малеспин»: возникновение, эволюция, эмоционально-экспрессивный потенциал // *Филол. науки. Вопр. теории и практики*. 2017. № 7-3 (73). С. 154–160.
15. Ларикова Ю.А. Дискурс новых иммигрантов в языковом сообществе Буэнос-Айреса // *Проблемы современного мира глазами молодежи: сб. науч. тр. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2017. С. 23–32.*

References

1. Solnyshkina M.I., Ziganshina Ch.R., Garaeva L.M. *Sotsiolektologiya: sovremennoe sostoyanie i problemy* [Social Dialectology: Modern State and Problems]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie*, 2014, no. 4, pp. 125–134. DOI: [10.15688/jvolsu2.2014.4.14](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.4.14)
2. Erofeeva T.I. *Sotsiolekt kak instrument opisaniya yazykovoy situatsii regiona* [Sociolect as a Tool for Describing the Linguistic Situation of a Region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2010, no. 1, pp. 21–25.
3. Yu E.D. About the Sociolect of Lunfardo: Taxon and Usage. *Sci. Res. Dev. Mod. Commun. Stud.*, 2018, no. 4, pp. 56–62 (in Russ.). DOI: [10.12737/article_5b5fff4c5860d7.52439148](https://doi.org/10.12737/article_5b5fff4c5860d7.52439148)
4. Bondaletov V.D. *Argo – unikal'nyy istochnik izucheniya narodnogo yazyka* [Argot as a Unique Source for Studying a National Language]. *Gromovskie chteniya* [Gromov Readings]. Kostroma, 2016. Iss. 3, pp. 56–63.
5. Partridge E.H. *Slang To-Day and Yesterday*. London, 2017. 488 p.
6. Formanovskaya N.I. *Kommunikativnyy kontakt* [Communicative Contact]. Moscow, 2012. 200 p.
7. Firsova N.M. *Osnovnye sfery i formy kommunikatsii, otrazhayushchie fenomen natsional'no-kul'turnoy spetsifiky (na materiale ispanskogo yazyka)* [Key Spheres and Forms of Communication Reflecting National and Cultural Features]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika*, 1995, no. 2, pp. 17–23.
8. Rawson E.E. *Estudios Gardelianos*. Available at: <https://crgardel.blogspot.com/2008/05/nota-del-sr-enrique-espina-rawson.html> (accessed: 9 July 2022).
9. Khadzhaeva N.Kh. *Lingvokul'turologicheskiy aspekt vznikeneniya v yazyke sotsiolektnoy leksiki* [Lingvoculturological Aspect of Appearance in the Language of Sociolect Vocabulary]. *Lingua mobilis*, 2011, no. 6, pp. 66–70.
10. Vila Rubio N., Castañeda Naranjo L.S. Hacia un diccionario de parlache: Estudio lexicográfico de un argot colombiano. *Quaderni del CIRSIL*, 2006, vol. 5, pp. 121–134. Available at: http://amsacta.unibo.it/2722/1/Neus_Vila.pdf (accessed: 21 June 2022).

11. Stepanov V.N. *Provotsirovanie v sotsial'noy i massovoy kommunikatsii* [Provocation in Social and Mass Communication]. St. Petersburg, 2008. 268 p.
12. Kut'kova A.V. Zhargon parlache kak sotsiolingvisticheskiy fenomen v ispanskom yazyke Kolumbii [Parlache Jargon as a Sociolinguistic Phenomenon of Colombian Spanish]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, 2014, no. 13, pp. 243–253.
13. Chesnokova O.S. *Ispanskiy yazyk Meksiki: yazykovaya kartina mira* [Mexican Spanish: Linguistic Worldview]. Moscow, 2006. 238 p.
14. Nikiforova S.A. Kosta-rikanskiy taynyy yazyk “malespin”: vzniknovenie, evolyutsiya, emotsional'no-ekspressivnyy potentsial [The Costa Rican Secret Language “Malespin”: Emergence, Evolution, Emotional-Expressive Potential]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 7-3, pp. 154–160.
15. Larikova Yu.A. Diskurs novykh immigrantov v yazykovom soobshchestve Buenos-Ayresa [The Discourse of New Immigrants in the Linguistic Community of Buenos Aires]. *Problemy sovremennogo mira glazami molodezhi* [Problems of the Modern World Through the Eyes of Young People]. Moscow, 2017, pp. 23–32.

DOI: 10.37482/2687-1505-V284

Elena D. Yu

Irkutsk National Research Technical University;

ul. Lermontova 83, Irkutsk, 664074, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7739-5627> e-mail: elyu@yandex.ru

REPRESENTATION OF LATIN AMERICAN SOCIOLECTS IN A CULTURALLY COMMON LANGUAGE AREA

The article presents an overview of the most widespread Latin-American sociolects (Argentine Lunfardo, Colombian Parlache and Costa Rican Pachuco-Malespin) as well as a comparative analysis of the reflection of social realia based on them. Currently, the existing methodological framework of sociolect studies is being enriched. The emergence, functioning and influence of sociolects as factors of the society's development are not only indicators of the ethnocultural evolution, but also signs of social transformations, which are reflected in culture and dictionaries, thus requiring turning to the theory of nominative acts. Word formation is represented by various techniques, such as syllabic inversion, truncation and lengthening of a stem, word composition, word doubling, and resemantization. The processes of sociolect dialogical interaction in the thematic lexicons of Lunfardo, Parlache and Malespin are considered. The taxonomy, usage and spread of these sociolects emphasize the social markedness they have acquired as numerous neologisms are produced: from universals to notions of various spheres of human activity. The practice-oriented study of the emergence and development of sociolects confirmed their use as a language-game, a secret language as a strategic tool in wartime, a conspiratorial language as a sign of belonging to a certain closed social group, etc. The functionality of sociolects has led to the creation and updating of specific dictionaries. Another thing Lunfardo, Parlache and Malespin have in common is *cumbia*, which is a popular genre of folk music in Latin America that originated in Colombia, but gained recognition throughout the continent. Its several variations reflect the identity of social environments, of which particular genres of *cumbia* are characteristic. The material under study is a rich palette for further interdisciplinary research with its obvious relevance considering the current conditions and trends in international relations.

Keywords: social reality, socialization, sociolect, Latin American area, linguistic variation, word formation.

Поступила 13.10.2022

Принята 21.08.2023

Опубликована 22.09.2023

Received 13 October 2022

Accepted 21 August 2023

Published 22 September 2023

For citation: Yu E.D. Representation of Latin American Sociolects in a Culturally Common Language Area. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 64–73. DOI: 10.37482/2687-1505-V284